

и вся внутренняя моя огнем великим, аз же падох на землю, и бысть весь в поту, и начал умирати, да не умер... так аз стал тужить глаголя: «Что будет, смерти нету, а лутче сего времени ко исходу души на што? ... Вижу, что нету ми смерти. И аз востав со земли и на лавку лег ниц, а руку мою сеченую повесил на землю, помышляя в себе сице: „Пускай кровь-та выдет из мене вся, так я и умру“». И много крови вышло и в темнице стало мокро... И аз грешный, бил челом Симеону десятнику, да отмоет ми от руки за сушины кровавыя. Он же отмыл от руки моя запекшуюся кровь, и во имя христово, моляся богу, помаза ми раны те серою еловою...».¹² Отмеченные разрядкой части фраз легли в основу стихов 9—19 в начале второй части поэмы.

Ниже публикуется поэма М. А. Волошина:

СКАЗАНИЕ ОБ ИНОКЕ ЕПИФАНИИ

1

Родился я в деревне. Как скончались
 Отец и мать, ушел взыскати
 Пути спасения в обитель к преподобным
 Зосиме и Саватию. Там иноческий образ
 Сподобился приять. И попустил господь
 На стол на патриарший наскочити
 В те поры Никону. А Никон окаянный
 Арсена-жидовина
 В печатный двор печатать посадил.
 Тот грек и жидовин в трех землях трижды
 Отрекся от Христа для мудрости бесовской
 И зачал плевелы в церковны книги сеять.
 Тут плач и стон в обители пошел:
 Увы и горе! Пала наша вера.
 В печали и тоске, с благословенья
 Отца духовного, взяв книги и иная,
 Потребная в молитвах, аз изыдох
 В пустыню дальнюю, на остров на Виданьской —
 От озера Онеги двенадцать верст.
 Построил келейку безмольвья ради
 И жил, молясь, питаюсь рукодельем.
 О, ты моя прекрасная пустыня!

Раз, надобен от кельи отлучиться,
 Я образ богоматери с младенцем —
 Вольяшный — медный — поставил ко стене:
 «Ну, свет-Христос и богородица, храните
 И образ свой, и нашу с вами келью».
 Пришел на трегий день и издали увидел
 Келейку малую, как головню дымящу.
 И зачал зря вопить: «Почто презрела
 Мое моление? Приказу не послушала? Келейку
 Мою и твоя не сохранила?». Идох

¹² Там же, стр. 248.